

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.4>

Гусейнов Малик Алиевич

ДАГЕСТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРЕДДВЕРИИ "ОТТЕПЕЛИ"

Статья посвящена современному осмыслению развития литератур народов Дагестана в послевоенное десятилетие в аспекте сопротивления идеологическим клише своего времени, демократизации художественной мысли, обретшей полноценное выражение в советской литературе в период "оттепели", во второй половине 1950-х годов. На основе проведенного исследования в произведениях Г. Цадасы, Т. Хурюгского, А. Батырова, Аткая и др. выявлены новаторские явления, свидетельствующие об определенной эволюции национального художественного процесса. Подтверждением этого служат присущие их творчеству активизация проблем частной жизни, этнонационального своеобразия, акцентированное изображение внутреннего мира, переживаний лирических героев и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 232-235. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF THE BASHKIR STORIES OF THE 1920S

Gareeva Gul'fira Nigamatovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Valeeva Farzana Faizullova

Iskhakova Gul'shat Rasulevna

Bashkir State University, Ufa

gareevagulfira@mail.ru; valeeva.farzana@mail.ru; gulshat.iskhakova90@yandex.ru

The article traces the transition from episodocity in the representation of reality to longer segments of a human life, to a harmonious and integral system of the depiction of life activity of the personality, to the image of events in the spatial and temporal plane in the stories of M. Gafuri, D. Yul'tyi, A. Tagirov, I. Nasyri, G. Khairi, G. Davletshin in the middle of the 20s of the XX century. It is established that these tendencies contributed to the growth of the mastery of plot construction, to the compositional diversity, to the disclosure of the characteristic features of a person of a new era in the Bashkir stories of the 1920s.

Key words and phrases: episodocity; chronicle nature; chronotope; character; plot; composition; genre; style.

УДК 821.351.0

Дата поступления рукописи: 14.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.4>

Статья посвящена современному осмыслению развития литератур народов Дагестана в послевоенное десятилетие в аспекте сопротивления идеологическим клише своего времени, демократизации художественной мысли, обретшей полноценное выражение в советской литературе в период «оттепели», во второй половине 1950-х годов. На основе проведенного исследования в произведениях Г. Цадасы, Т. Хурюгского, А. Батырова, Аткая и др. выявлены новаторские явления, свидетельствующие об определенной эволюции национального художественного процесса. Подтверждением этого служат присущие их творчеству активизация проблем частной жизни, этнонационального своеобразия, акцентированное изображение внутреннего мира, переживаний лирических героев и т.д.

Ключевые слова и фразы: дагестанская литература; послевоенный период; эволюция; новаторство; национальное своеобразие; поэтика.

Гусейнов Малик Алиевич, д. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы

Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала

malik60@list.ru

ДАГЕСТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРЕДДВЕРИИ «ОТТЕПЕЛИ»

В истории советской литературы выделяются периоды, представляющиеся знаковыми. В их разряд относится период, определяемый «оттепелью». Демократизация общественной жизни во второй половине 1950-х годов способствовала выходу литературы нашей страны на новые рубежи. Одними из характерных ее особенностей являются, в частности, смягчение соцреалистических барьеров, активизация лирики, актуализация частных, личных проблем человека в противовес доминировавшим прежде общественным и т.д. История национальных литератур России, в том числе народов Дагестана, конкретно кумыкской, дает достаточно обстоятельное представление об этом векторе развития художественного процесса.

В этой связи следует учесть также, что переход словесной культуры от одного периода к другому не бывает одномоментным, происходит не вдруг и сразу. Кроме того, роль внелитературных факторов в этом процессе может быть достаточно весомой, но очевидно и другое: словесное искусство само по себе подразумевает поступательное развитие, эволюцию. Представляется целесообразным рассмотреть в этом контексте дагестанский литературный процесс, выявить новаторские, оригинальные художественные тексты десятилетия, предшествовавшего «оттепели», произведения, ее приближавшие.

Прежде всего, надо отметить, что движение в плане преодоления идеологических шаблонов соцреалистической культуры было намечено в годы Великой Отечественной войны. Дело в том, что перед лицом грозного врага во имя пробуждения патриотизма, защиты Родины власть шла навстречу человеку. Смягчался в этой связи идеологический диктат, социалистические критерии. В дагестанской литературе в эту пору четкое выражение имеет усиление лирической составляющей, реанимируются фольклорные истоки, в том числе образы героев досоветского прошлого, и т.д. В поэтических произведениях Г. Цадасы, А.-В. Сулейманова, Т. Хурюгского, А. Аджиева, Аткая и др. был высвечен основной нерв национальной словесности – исповедальность, тонкий лиризм; на фоне воспроизведения внутреннего мира, дум, чувств персонажей оттенялись особенности их менталитета (верность отчужденному краю, готовность пожертвовать во имя него своей жизнью, преданность героическим традициям предков). Эти явления были новаторскими по сравнению с предшествующими двумя десятилетиями, когда произведения подобного рода подвергались резкой критике и практически были изжиты.

По существу, дагестанская литература в годы войны сделала существенный шаг в обновлении идейно-нравственных основ, поэтики, пафоса. Уже была высвечена определенная парадигма эволюции искусства слова, культуры в целом. Однако естественный ход развития этого процесса был заторможен партийными структурами, это выразилось в постановлениях ЦК ВКП(б) за 1946 год «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и др. и вызванных ими негативных явлениях в сфере цензуры.

Тем не менее этот процесс уже был неостановим. Комплексная характеристика кумыкской литературы послевоенного десятилетия свидетельствует о том, что основной ее массив составляют произведения идеологически ангажированные, написанные в качестве ответа на «социальный заказ». В значительной степени объектом художественного воспроизведения являются проблемы производства, колхозной жизни, социальные мотивы. При этом привлекаются произведения, выходящие из общего строя советской литературы.

Эволюция художественного мышления обнаруживается в поэзии, прежде всего в творчестве поэтов-фронтовиков. В послевоенный период не была обделена вниманием тема минувшей войны. Так, в частности, в кумыкской литературе авторы, которым не довелось в ней участвовать, пишут в основном о победе, пишут в мажорном ключе, а в творчестве поэтов-фронтовиков, как и в годы войны, высвечиваются нотки горечи, боли по поводу тяжелых, гибельных утрат. Именно такой характер имеют стихотворения «На могиле друга» («Къурдашны къабурунда») А.-В. Сулейманова, «Песнь разлуки» («Айрылыш йыр»), «Моя жизнь» («Яшавум») А. Батырова, поэма «Невеста» («Гелешмиш») И. Керимова и др. В этих произведениях, написанных в большей мере от первого лица, воспроизводятся переживания, скорбь лирических героев в связи с потерей на войне близких друзей, родственников. Отдельные из названных произведений, в частности приведенные стихотворения А.-В. Сулейманова, вполне относимы к фольклорному жанру плачей.

Неординарным содержанием для времени написания выделяется стихотворение «Моя жизнь» А. Батырова, датированное 1948 годом. В данном произведении, написанном от лица молодой женщины, супруг которой на фронте проявил себя не лучшим образом, попал в плен к фашистам, она оплакивает его, согласно национальным традициям, как человека умершего. В монологе героини сполна выражен драматизм ситуации, в которой она оказалась, – ситуации, порицаемой обществом:

Сююп баргъан агълум мени, не пайда,
Оъзгелердей батыр болуп чыкъмады.
Есирликге тюшюп яман чырмалды,
Душманланы къувуп салып йыкъмады [8, с. 76]. /
Супруг мой, за которого я вышла замуж по любви, что толку,
Как и другие, не повел себя по-геройски.
Попав в плен, оказался в затруднительном положении,
Не крушил врагов, сея среди них страх и панику (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – М. Г.).

Тем не менее, даже находясь в столь сложном положении, она принимает удар судьбы и продолжает ждать возвращения своего супруга домой. Мотивы сострадания к человеку оступившемуся, сочувственная тональность в отношении к лицу, которое осуждалось в нашей стране в прямом смысле, которому были уготованы тюрьма и лагеря, оттеняют незаурядное звучание произведения А. Батырова. Поэт-фронтовик своим произведением подчеркивал самоценность человеческой личности, вне зависимости от того, является он героем или трусом, что, в свою очередь, свидетельствовало о существенной подвижке в сторону демократизации поэтической мысли.

Аналогичные парадигмы обнаруживаются во фронтовых очерках даргинского писателя С. Абдуллаева, изданных отдельной книгой – «Фронтовые очерки» («Далуйти ва хабурти», 1948) [1]. В них о своей фронтовой жизни автор пишет с чувствами патриотизма, верности советской стране. При этом в очерках воспроизводится «неженский» облик войны, впервые в дагестанской литературе затрагивается тема фашистских концлагерей, которые писателю довелось видеть воочию.

Горький опыт войны, ее невзгоды, искорежившие людские судьбы, нашедшие выражение в творчестве писателей-фронтовиков, в послевоенной литературе, ориентированной на оптимизм, трудовой пафос, социалистическую идейность, звучали не совсем в унисон, более того, далеко не укладывались в русло официальной литературной доктрины. Относительно поэтов-фронтовиков следует заметить, что опыт войны определял в некоторой степени свободу их мысли, пусть и относительную раскованность поэтических интенций.

Обновление литературного вектора в послевоенный период проявляется также в развитии пейзажной и любовной лирики. Данные разновидности поэзии со второй половины 1920-х годов были ограничены в правах, ввиду утверждения в литературе социалистических канонов, в чистом виде практически были табуированы. В то же время они имели выражение в контексте литературы для детей (пейзаж), производственной тематики (любовь). Любовная тематика обрела новое дыхание уже в годы войны.

В послевоенное десятилетие позиции данных жанровых разновидностей лирики укреплялись, прогрессировали. Динамика этого процесса очевидна на примере творчества А. Аджиева, являвшегося в отмеченный период одним из наиболее популярных кумыкских поэтов. В его книге «Счастливые горы», изданной в 1948 году [3], выделяется раздел «Строки любви» («Сююв сатырлар»), а в книге «Песни о счастье» за 1950 год [2] в разделе «Для детей» («Яшлар учун») значительное место занимают зарисовки природы.

Пейзажная лирика послевоенного периода дает основание считать, что она стала определенной тенденцией. Тем не менее она еще оставалась в большей мере нагруженной социальной проблематикой.

В отличие от пейзажа тема любви стала восстанавливать, как отмечено выше, свои позиции уже в годы войны в русле воспроизведения частной жизни персонажей, их внутреннего мира, переживаний. В послевоенные годы этот процесс развивался по восходящей. Показательным представляется тот факт, что в стихотворениях А. Аджиева «Письмо издалека» («Йыракдан кагъыз»), «Носовой платочек» («Къольявлукъ»), «Черноглазая» («Къарагъз») и др. любовь соотносится с темой войны, труда, но в большей степени в форме констатации. В частности, отмечается как бы вскользь, что образы, которые подвержены «искреннему» чувству, – это бойцы, фронтовики либо труженики.

В то же время создаются и собственно лирические произведения, лишенные социального налета. В стихотворениях «Медсестра», «Ничего» («Къайырма») и др. молодого в те годы автора Ш. Альбериева, в дебютной книге которого они выделены в отдельный раздел под названием «Лирика» [4], доминируют эмоции, переживания лирического героя, вызванные неразделенностью чувств. Иной характер имеют произведения «Текут года...» («Йыллар бара...»), «Дорогая моя...» («Азизим...») А. Батырова, посвященные самому дорогому человеку – супруге. Лирический герой ценит мать своих детей за преданность, верность, понимание. Поэт признается:

Ондан ювукъ адамым ёкъ дюньяда,
Юрегимни бар сырларын билеген,
Къыйынлы гюн гъар не ерде болсам да,
Чабып ёртуп къырыйыма гелеген [8, с. 89]. /
В этом мире нет у меня человека, кто мне так близок,
Знающего все тайны моего сердца,
Который в трудный для меня час, где бы я ни был,
Примчится, прибежит, станет рядом со мной.

Участник Великой Отечественной войны А. Батыров, знавший цену фронтовой дружбе, товариществу, братству, воздал должное любви честной, взаимной. Его стихи звучат как гимн гармонии супружеских отношений, являющейся основой семьи.

Созвучные интонации обнаруживаются в творчестве фронтовика А.-В. Сулейманова, одной из особенностей творчества послевоенных лет которого становится поэтическая рефлексия. В определенной мере отражением этого служит и название его поэтической книги – «Мои думы» («Ойларым») [10]. Любовь у него предстает наивысшим мерилем в оценке человеческой судьбы. Так, в стихотворении «Если б не было на небе солнца...» («Эгер де ёкъ буса оърде гюн...») поэт, рассуждая о том, что если бы не было солнца на небе, земли и воды, то жизнь не имела бы смысла, вровень с ними ставит образ любимой женщины.

Возведение любви на высокий пьедестал поэтами, прошедшими войну, представляется символическим. В их поэтических концептах отражается самооценочность человеческой жизни, в том числе в привязке к «сердечным» чувствам.

Интимные мотивы, пейзажная лирика являются отличительными признаками произведений и известного лезгинского поэта Т. Хурюгского. В частности, в произведениях «Сладкая-пресладкая» («Ширин-ширин»), «Красавица» («Гузелдиз»), «Счастливая» («Бахтавар») и др., опубликованных в его книге «Думы поэта» («Шаирдин фикирар», 1953) [12], им тонко воссозданы нежные чувства лирического героя к девушке, к девичьей красе, что являлось характерной особенностью лезгинской дореволюционной классики.

В послевоенное десятилетие в дагестанской поэзии имела продолжение тенденция, связанная с апелляцией к национальным этическим ценностям, также берущая начало в литературе военного периода. На фоне обращения к фольклору, в том числе к героическим образам прошлого, авторы высвечивали традиционные нравственные ценности, определяя их главным мерилем человеческой личности. Такой подход был неординарен в той связи, что нивелировалась социалистическая, советская нравственность. Это не оставалось незамеченным критиками, которыми такого рода явления подвергались резкой критике.

Одним из очевидных примеров является поэма «Сотау и Рашия» («Сотав булан Рашия») Аткая [6]. Крайне отрицательной оценки она была удостоена по выходу в свет одним из известных дагестанских критиков К. Д. Султановым, определена произведением безыдейным, аполитичным, которое не стоило печатать [11, с. 13]. Ведь в поэме Аткая, посвященной дореволюционному прошлому, не наблюдалось критики власть имущих, да и собственно изображения его как темного прошлого, как это требовалось официальной идеологией и являлось практически нормативным в дагестанской литературе первой половины минувшего столетия. В русле критериев литературной эпохи ошибка автора также заключалась в том, что любовь Сотау и Рашии была изображена вне социальных катаклизмов эпохи, досоветское прошлое было воспроизведено без классового противостояния, герои характеризовались в контексте исконной традиционной морали и т.д. Однако эти отрицательные оценки поэмы Аткая были опровержены довольно скоро. Перевод произведения на русский язык, выполненный известным поэтом, одним из последних представителей Серебряного века – Арсением Тарковским, обусловил признание поэмы в масштабе всей страны [7].

Одним из незаурядных произведений рассматриваемого периода является и поэма «Уроки жизни» («Гумруялуд дарсал») народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, опубликованная в книге «Свободный труд» («Эркенаб захІмат», 1949) [13]. Ее значимость заключается в том, что исконные ментальные понятия народа, представления о чести, порядочности, справедливости были выкристаллизованы в емких поэтических формулах. Произведение, написанное в русле ориентальной классической поэзии, посвященное традиционной нравственной культуре, перешагивало барьеры соцреализма и потому обрело вневременную значимость.

Отмеченная тенденция нашла полновесное выражение также в повести Аткай «В кумыкской степи» («Къумукъ тюзде») [5]. Прежде всего, заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что эта повесть является одним из первых этнически маркированных прозаических произведений в дагестанской литературе. В соответствии с названием в ней находит художественное воспроизведение национальный мир, высвечивается этнонациональная идентичность образов. Одним из факторов, способствовавших этому, является образ русской учительницы Нины Сергеевны. Ее дневник, включенный в повествование, наполняет страницы повести задушевной тональностью, лирическим звучанием. Взгляд русской девушки на инациональную для нее среду определяет национальный колорит произведения, этническую яркость персонажей, богатство их духовного мира.

Оригинальной представляется малая проза М.-С. Яхьяева, нашедшая выражение в его книге «Женитьба Умалата» («Умалатны уйленивию») [14]. Основу рассказов составляют нравственная проблематика, вопросы семьи и быта. В рассказах писателя обычные житейские истории наполняются глубоким художественным смыслом. В них отражаются душевные переживания, психологическое состояние персонажей. В этом контексте оттеняется важность семейных, нравственных ценностей, актуализируется проблема частной жизни, что было ново в тот период.

Кратко резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что дагестанская литература, как и вся послевоенная советская словесность, находясь под прессом вульгарно-социологических критериев, реанимированных в результате ряда известных постановлений 1946 года, шла по пути преодоления идеологического давления. Совершенно верным представляется в этой связи суждение Д. В. Кротовой о том, что художественное творчество – «это всегда движение против течения» [9, с. 25], что в определенной мере подтверждается приведенными примерами из дагестанских литератур. В лучших своих образцах, в отмеченных произведениях А.-В. Сулейманова, Г. Цадасы, С. Абдуллаева, Аткай и др., национальная словесность демонстрировала потенции глубинного постижения жизни и судьбы народа, служила истинным, а не мнимым ценностям. Дагестанские писатели стремились отразить внутренний мир человека, его переживания; в литературе появился герой размышляющий, думающий, обеспокоенный не только проблемами производства, но и вопросами частной жизни. В этом плане литература звала общество к переменам, приближала «оттепель», которая вдохнула новые импульсы и в искусство, и в жизнь общества, страны.

Список источников

1. **Абдуллаев С.** Далуйти ва хабурти (Фронтные очерки) / на дарг. яз. Махачкала: Даггиз, 1948. 200 с.
2. **Аджиев А.** Насипни йырлары (Песни о счастье) / на кум. яз. Махачкала: Даггиз, 1950. 93 с.
3. **Аджиев А.** Талайлы тавлар (Счастливые горы) / на кум. яз. Махачкала: Даггиз, 1948. 104 с.
4. **Альбериев Ш.** Гьасиретлик (Мечта) / на кум. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1954. 98 с.
5. **Аткай.** Къумукъ тюзде (В кумыкской степи) / на кум. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1953. 358 с.
6. **Аткай.** Сотав булан Рашия (Сотау и Рашия) / на кум. яз. Махачкала: Даггиз, 1947. 109 с.
7. **Аткай.** Сотау и Рашия / пер. А. Тарковского. М.: Сов. писатель, 1971. 88 с.
8. **Батыров А.** Эркин элим (Свободная страна моя) / на кум. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. 154 с.
9. **Кротова Д. В.** Природа в мировосприятии В. Шаламова: рецепция классических традиций и поэтическое новаторство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 21-25.
10. **Сулейманов А.-В.** Ойларым (Мои думы) / на кум. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1955. 96 с.
11. **Султанов К. Д.** Къумукъ совет литератураны отуз йыллыкъ оьсюв ёлу (Тридцать лет развития кумыкской советской литературы) // Къумукъ литератураны альманахы (Альманах кумыкской литературы) / на кум. яз. Махачкала: Даггиз, 1950. С. 3-30.
12. **Хурюгский Т.** Шаирдин фикирар (Думы поэта) / на лезг. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1953. 186 с.
13. **Цадаса Г.** Эркенаб захІмат (Свободный труд). Гумруялул дарсал (Уроки жизни) / на авар. яз. Махачкала: Даггиз, 1949. 217 с.
14. **Яхьяев М.-С.** Умалатны уйленивию (Женитьба Умалата) / на кум. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1955. 128 с.

DAGESTANI LITERATURE IN ANTICIPATION OF THE “THAW”

Guseinov Malik Alievich, Doctor in Philology

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa, Dagestan Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences, Makhachkala
malik60@list.ru*

The article is devoted to the modern interpretation of the development of the Dagestani peoples' literatures in the post-war decade in the aspect of resisting the ideological cliché of that time, the democratization of literary thought, which found its full expression in Soviet literature during the “thaw” period, in the second half of the 1950s. Basing on the research carried out in the works of G. Tsadasa, T. Khuryugsky, A. Batyrov, Atkai, and others, innovative phenomena are revealed that indicate a certain evolution of the national literary process. Confirmation of this is the activation of the problems of private life, ethno-national originality, an accented depiction of the inner world, the experience of lyrical heroes, etc., inherent in their creativity.

Key words and phrases: Dagestani literature; post-war period; evolution; innovation; national identity; poetics.